

УДК 378.014(47+57)(091)"1918/1929"(043.3)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СССР (1918–1929 гг.)

Петаченко Григорий Алексеевич

доцент кафедры истории России

Белорусского государственного университета;

кандидат исторических наук, доцент

(г. Минск, Республика Беларусь)

Высшая школа СССР в 1918–1929 годы первой пятилетки подверглась коренным преобразованиям во всех сферах своей деятельности.

Произошли серьезные корректировки в социальном составе студенчества, изменения в учебных планах и сокращении сроков обучения и их адаптация под изменившиеся требования советской экономической модели. Особое внимание уделено изменению взаимоотношений власти и профессорско-преподавательского состава.

Сложившаяся за многие десятилетия вузовская система в условиях постоянного возрастания требований к качеству подготовки специалистов XXI века находится в постоянном поиске новых методов и форм организации учебного процесса, содержания и практик преподавания общеобразовательных и специальных учебных предметов. Во многом эффективность проводимых в последние годы на постсоветском пространстве реформ зависит от профессионализма и понимания исключительной важности своего труда со стороны профессорско-преподавательского состава вузов, от мировоззренческой подготовки студентов и их целеустремленности в освоении избранной специальности.

С распадом Российской империи вся система высшего образования оказалась недееспособной, так как принципы ее функционирования стали непригодными в новых реалиях. В советской России начался период коренных изменений всех сфер традиционной жизни общества, в том числе и высшего образования.

Пестрый социальный состав студенчества серьезно беспокоил партийное руководство. К тому же ситуация просто угрожала срывом политики пролетаризации высшей школы. Для предотвращения опасных тенденций и нормализации положения было принято решение о проведении ряда мер. Одной из них явилась академическая «чистка» студенчества. План действий представил замнаркома просвещения РСФСР И.И. Ходоровский на проходившей в марте 1924 г. Всесоюзной конференции пролетарского студенчества. Предполагалось наряду с сокращением количества вузов уменьшить общее число студентов, но при этом подчеркивалось: «Мы с величайшей бережливостью относимся к нашему пролетарскому студенчеству, этой главной нашей опоре в вузах. Прежде чем решить судьбу рабочего студента, мы прощупываем его со всех сторон, если отстал, но может догнать, мы ему в этом поможем, даем сроки, если он не может справиться, переводим в другое учебное заведение» [9, с. 113].

Намеченные принципы затем рассматривались на заседании Политбюро РКП(б) 10 апреля 1924 г. где было принято решение о сокращении общего числа студентов на 30 тыс., о полном закрытии приема в вузы в 1924/25 уч. г. и о введении платы за обучение для всех студентов, кроме стипендиатов. Такие же меры предлагалось разработать и для союзных республик в том числе и БССР [7, л. 4]. На основании этого решения представителям Наркомпроса РСФСР в вузах и председателям районных комиссий по проверке студенчества в Ленинграде, Москве, Казани, на юго-востоке Урала и в Сибири поступила директива ЦК РКП(б), предусматривавшая сокращение общего количества студентов вузов не менее чем на 30 тыс. Для выполнения директивы предлагался примерный план действий. В вузах социально-экономического профиля подлежало увольнению не менее 30% студентов, индустриально-технического – 20%, медицинского – 5–20% [1, л. 135]. В директиве специальным пунктом оговаривались некоторые моменты, связанные, в первую очередь, с проверкой студенчества непролетарского происхождения медицинских, индустриально-технических и сельскохозяйственных вузов. В частности, предлагалось «проявлять бережное отношение к студентам старших курсов при условии успешной учебы и исключить их лишь в случае злого отношения к советской власти».

Академическая «чистка» проводилась весной и летом 1924 г. специально организованными комиссиями, которые состояли из представителей местных органов власти, партийных, комсомольских организаций и членов правлений вузов. Наибольшее число отчисленных пришлось на студентов факультетов общественных наук, поскольку студенты именно этих факультетов оказались вовлеченными в ход внутрипартийной борьбы и поддержали взгляды Л.Д. Троцкого. Например, на таком факультете БГУ было отчислено 537 студентов из 1030 [5, л. 3]. На ФОНе в МГУ исключили 1085 студентов, что составляло 33% от их общей численности [4, с. 111]. Небезынтересны в этой связи данные проверки студенчества других специальностей. Так, на

двух факультетах БГУ (медицинском и педагогическом) в общей сложности исключили около 100 студентов из почти 2 тыс. их общей численности.

Одновременно определялась необходимость улучшения общего состава студенчества путем очищения его от враждебных элементов не в порядке кампаний, а систематического изучения и улучшения состава студенчества. Данные установки распространялись и на союзные республики. Так, на заседании СНК БССР в 1929 г. было решено проводить классовый отбор при приеме студентов и систематическое изучение, и проверку студентов [6, л. 85]. Именно в этот период в советской историографии появляется термин «пролетаризация» в отношении высшей школы. Изначально он обозначал комплекс мероприятий, направленных на изменение социального состава студенчества. В современной историографии под данным термином понимается весь комплекс мер, принимавшихся партийно-государственными органами в отношении высшей школы с целью создания новой высшей школы, которая должна была готовить не только высококлассных профессионалов, но и убежденных проводников партийной политики в народные массы.

Для более глубокого понимания важнейших составляющих этого процесса для высшей школы в БССР и необходимо проблемы изменения принципов самого учебного процесса. Отрицание «старых» методов преподавания (лекций) исходило не только от пролетарского студенчества и чиновников различных рангов, но и от представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы. Реорганизация принципов работы высшей школы, проходившая в соответствии с новыми партийными директивами и под знаком максимального использования активных методов обучения, так или иначе отразилась на 80–90% учебных планов многих вузов, в том числе и БГУ [2, с. 9].

Однако система проверки знаний была сведена лишь к коллективным ответам, какой-либо другой метод проверки исключался. Это снижало индивидуальную академическую активность студента и его ответственность за результаты учебы, нивелировало участие профессоров и преподавателей в учебной работе. В начале 1930-х гг. подобные перекосы вызвали необходимость пересмотра ранее принятых решений.

Серьезные изменения происходят в БГУ во второй половине 1920-х гг. когда власть стала руководствоваться принципом «перевоспитания» вузовских преподавателей национальных республик СССР, стало обвинение их в излишней увлеченности изучением особенностей местной культуры. Постепенное сворачивание проведения политики белорусизации, украинизации и т.д. привело к тому, что представители научной интеллигенции, которые непосредственно проводили эту политику, начали вытесняться из высшей школы.

В.И. Пичета пытался отстаивать интересы своих коллег и направил 11 июня 1928 г., письмо в Наркомпрос БССР в котором в частности отмечал: «Калі не навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб Навуковых Працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва ўніверсітэце, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сьгоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною – трэба пакідаць універсітэт» [3, л. 23].

Но вскоре от руководства университетом был отстранен и сам В.И. Пичета, последовали существенные перестановки в системе управления университетом. Такого рода организационные действия осуществлялись чуть ли не в каждом вузе СССР. В скором времени последовало «разукрупнение» наиболее значимых университетов страны, что стало логичным продолжением партийной политики в отношении и их профессорско-преподавательского состава, и студенчества.

В конце 1920-х гг. истории советской высшей школы наступал этап ускоренной пролетаризации, жесткой ориентации вузов на нужды производства. Таким образом, можно говорить о том, что в 1920-х гг. происходил сложный процесс адаптации профессорско-преподавательского состава и студенчества БГУ к новым условиям жизнедеятельности, к командно-административной системе управления. Он развивался как в строго очерченных властью рамках, так и исходя из индивидуальных особенностей, настроенности вузовских преподавателей на сотрудничество.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (РГАСПИ). – Ф. 1565. – Оп. 18. – Д. 17. Л. 135. Дело Протоколы заседаний, циркуляры и инструкции центральной комиссии по проверке личного состава студентов вузов.
2. Кореневский, И. Роль Белорусского Государственного Университета в подготовке кадров (К 10-летию БГУ 1921–1931 г.) / И. Кореневский // Десять лет Белорусского Государственного Университета 1921–1931 гг. Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы в БССР – Мн., 1931. – С. 7–13.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 4601. Л. 23. Протоколы сведения и другие материалы БГУ. Ліст рэктара БДУ У.І. Пічэты у Наркамасветы БССР ад 11 чэрвеня 1928 г.
4. НА РБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 149. Л. 111. Сведения центральной комиссии по проверке качественного состава студентов, принятых на ФОН в 1921–1923 гг. Сводка по отчисленным студентам ФОН.
5. НА РБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 149. Л.3. Сведения центральной комиссии по проверке качественного состава студентов, принятых на ФОН в 1921–1923 гг. Сводка по отчисленным студентам ФОН.
6. НА РБ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 690. Л. 85. Постановление СНК БССР от 28.11.1929.
7. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 60. – Д. 60. Политическая работа в высшей школе. Тезисы М.Н. Покровского.
8. Сафразьян, Н. Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.) / Н. Л. Сафразьян. – М. : Изд-во. Московского университета, 1987. – 138 с.
9. Ходоровский, И. И. К проверке состава учащихся / И. И. Ходоровский // Красная молодежь. – 1924. – № 1. – С. 113.